

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XXII

Buenos Aires, Martes 17 de febrero de 1970

Буэнос Айрес, вторник 17 февраля 1970 года № 1043

„Я ХОЧУ БЫТЬ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ“

Письмо А. Кузнецова Н. И. Ульянову

Многоуважаемый
господин Ульянов!

Вы знаете, я только сегодня получил письмо от одного человека, и в него была вложена вырезка — Ваша статья обо мне. Многие неприятности, по моему мнению, случаются не обязательно на принципиальной основе, но и просто из-за самого простого недоразумения, отсутствия информации, несогласованности.

Вы назвали меня “предельно откровенным человеком”, спасибо. Может быть, Вы примете и это письмо мое как предельно откровенное?

Тогда слушайте. Вы написали свою статью обо мне так, как бы я был Вашим коллегой, старым эмигрантом, во всяком случае человеком, который “в курсе дела” всех ситуаций на Западе, который поэтому полностью отдает отчет в том, что говорит.

Сейчас прошло несколько месяцев со дня моего первого заявления, и я потрясенно вижу, что многие вещи я говорил как ребенок, а другие вещи, оказывается, были самым страшным образом искажены при двойных, а то и тройных переводах.

Вы возмутились моим заявлением, что я приехал “бороться”, и большой кусок статьи посвятили этому пункту. Но это чистейшее недоразумение. В русском тексте конец моего “Обращения к людям” выглядит вот как:

“Во всяком случае, это произведение не Кузнецова, а совершенно иного писателя. Не советского, не западного, не красного, не белого, но — просто писателя, живущего в XX веке на Земле. К тому же предпринявшего отчаянную попытку быть в этот век честным, присоединяющегося к тем, кто хочет человечности в сегодняшней дикой, дикой, дикой жизни этого безумного, безумного мира”.

Общий тон у меня совсем не воинствующий, а печальный. Повторения “дикой” и “безумного” — это для аналогии с названием фильма Стенли Крамера “Безумный, безумный, безумный мир”, но это не дошло ни до кого, кажется...

Но главное — это то, что Вы бранили меня за то, чего я не говорил. “Борется за человечество” и “хочет человечности” — это разные вещи, и мне тем более больно, что сам я мог бы полностью подписаться под Вашими словами: “Человечеством” нас не проведешь! Хватит этих борцов за человечество, их и без Кузнецова достаточно”.

В своих новых книгах я как раз и хочу рассказать, что я знаю, об этих великодушных благодетелях, непрошенных благодетелях всего человечества, не больше и не меньше, а только всего и навеки. О добрых намерениях, которыми мостят дорогу в ад, с каждым годом все более мрачный.

Это о недоразумении. Теперь о другом: о необходимости иметь в виду особое состояние обделенного интеллекта “гомо советикуса”, который всю жизнь живет в орвелловском мире под названием “СССР” и другой жизни не видел.

Вы ОБВИНЯЕТЕ меня за то, что я обратился с посланием не к старейшему писателю Б. К. Зайцеву, председателю Союза русских писателей за границей, а к “дорогому многоуважаемому” Артуру Миллеру — известному советофилу... Но я не знал, что существует Союз

русских писателей за границей! Представьте себе (если Вы мне не поверите, то письмо мое не имеет никакого смысла!), что я, уезжая из СССР, не знал, что на свете существуют книги Орвелла, я прочел их впервые здесь. Я не читал до Лондона ни строки Замятина, Синявского, Зайцева и огромнейшего количества других книг, которые здесь для Вас являются чем-то уже само собою разумеющимся. Поскольку пьесы Артура Миллера в СССР в самое последнее время снимаются со сцены, я естественно считал его объективным и честным человеком. Вот и все объяснение, почему я, элементарно невежественный и дезинформированный, обратился к Артуру Миллеру. Как для Вас само собою разумеется, что он — советофил, так для меня было само собою разумеющимся, что он — объективный и порядочный писатель.

Не мне Вам рассказывать до какой степени прочна стена молчания и дезинформации, какой отгорожен от мира человек в СССР, даже если он “работник идеологического фронта”. Может кое-кому удается что-то узнать, люди знают иностранные языки, проникают в “спец-фонды” библиотек. Мне меньше везло, хотя я предпринимал отчаянные попытки. Мне даже из “самиздата” удавалось достать только маленькие крохи. О, дорогой господин Ульянов, пока этого не испытаете на себе, невозможно почувствовать до конца, какая глухота там, в СССР. Вот и Вы — и Вы даже упустили из виду это: что я вырвался огуленный и только-только начинаю что-то слышать, что-то видеть.

Последнее: Вы восприняли мои высказывания, как желание поразить мир тем, что ему давно известно. Наоборот, я думал, что мир все это прекрасно знает, но если у меня спрашивают подтверждения, то — пожалуйста. Так я и говорил, иногда удивляясь: почему это для кого-то звучит сенсацией? Я не знал (опять НЕ ЗНАЛ!) о Вашем ужасе, ужасе Вашего поколения, которое говорило, а его не хотели слышать. Там, в СССР, мы считаем, что вы тут счастливы, что вы все уже рассказали и вам давным-давно поверили. И я, говоря, удивлялся, почему мне задают наивнейшие вопросы, но исправно отвечал на них, полагая, что еще одно лишнее подтверждение просто хотя бы не помешает.

Только совсем-совсем недавно я по-настоящему увидел и понял всю глубину трагедии русской эмиграции, (Продолжение на 2-й стр.)

Н. Ульянов

Новый повод для старых размышлений

Это не ответ на адресованное мне письмо А. В. Кузнецова. Отвечать, по существу, нечего. Это несколько мыслей о том, какая осторожность требуется, когда на нас “сваливается” то или иное общественно-политическое событие и до какой степени мы оказываемся во власти самой великой державы в мире — периодической печати.

Письмо А. Кузнецова — великолепная тому иллюстрация. Из него видим, как лицо человека, прошедшего через чистилище пресс-конференций, меняется до неузнаваемости. О своем желании быть русским писателем, Кузнецов, насколько мне известно, нигде не говорил, но в письме заявил, впервые, ясно: “Я хочу быть русским писателем, пишу на русском языке”. Это ответ на поставленный мною вопрос, и в нем чувствуется оттенок негодования. Но как было не задать его, если во всем, что он говорил раньше и что писали с его слов, — начисто отсутствовала Россия и русское, если судьба Чехословакии принималась им ближе к сердцу, чем судьба родины, если ни словом не упоминалась русская эмиграция, точно ее и не было, если предлагавшиеся ему вопросы и его ответы рассчитаны были на “мировую ответственность”!

Естественно возник вопрос: не владеет ли он каким-нибудь иностранным языком и не вызвано ли самое бегство его желанием отряхнуть прах России со своих ног, чтобы сделаться за границей английским, французским или другим каким писателем? Считался же с возможностью писать по-английски Замятин, когда уезжал из СССР, и есть же пример Артура Кестлера — венгерца, живущего в Англии, пишущего по-немецки, на русские темы.

Но Кузнецов не только хочет быть русским писателем, он хочет быть писателем-художником, а не политиканом, не “борцом” за освобождение земного шара, каким выглядел в газетных отчетах. Он с негодованием отвергает доспехи “борца за человечество”, в которые его успели облачить, и откровенно заявляет, что сам “смог бы полностью подписаться” под моими словами: “человечеством нас не проведешь! Хватит этих борцов за человечество”.

В какие бы кривокопытые толкования ни пускался по поводу таких заявлений, одно ясно: перед нами другой Кузнецов, не тот, что глядел со страниц газет и с экранов телевизоров. В этом — главный интерес письма.

**

Как могло случиться такое “двуличие”? И какое лицо истинное, какое ложное? На последний вопрос может ответить только время. Что же до того, “как могло”? — то сам Кузнецов дает убедительные, на мой взгляд, объяснения. Прежде всего — смущение и растерянность. Не знавший иного мира кроме советского, чуждый злешней психологии и стиля поведения, ослепленный блеском роговых очков целой рати корреспондентов, вспышками фото-пржекторов, странностью и нелепостью задаваемых вопросов, бедный невозвращенец легко мог прийти в смущение. По его признанию, “в своем нервном бортомании” он наговорил много такого, о чем сейчас сожалеет. Он вовсе не собирался, как уверяет, делать заявления, давать интервью, но его убедили, что это нужно, что общество ждет его ответов. “Я и наотвечал...”

Но едва ли не большую роль сыграло извращение его речей в печати. Вместо “хочет человечности” писали — “борется за человечество”. Объясняет он двойными и тройными переводами его ответов, но мы можем допустить не одни технические причины. В газетной практике не считается грехом причесть, пригласить чужую речь и “выправить” стилистически. Ни один корреспондент не решится представить своему редактору репортаж с выражением намерения перебежчика сделаться здесь за границей русским писателем-художником. Он непременно сделает его писателем-борцом и, непременно, за человечество.. Забудь Кузнецов упомянуть “по сезону” об оккупации Чехословакии, ему напомнили бы и об этом и убедили бы это сделать, как убедили отвечать на другие вопросы.

Портрет его писали по трафарету “советского невозвращенца”, разработанному для “мирового общественного мнения”. Трафарет этот, ныне, сделался столь же обязателен, как самовар в голливудских фильмах из русской жизни. Когда я выразил недоумение, почему это беженцы из СССР, готовые освободить весь мир, ни словом не обмолвятся об освобождении России? — некая Мария Залуцкая осыпала меня упреками. “Завяи Кузнецов, — писала она, — что он собирается бороться за освобождение России, его обвинили бы в хлестаковщине. Россию не освободит ни Кузнецов, ни тысячи таких Кузнецовых”. Этой даме он больше нравится в роли освободителя человечества. Да и самая роль представляется несравненно более легкой и исполнимой.

Если таков русский голос, то чего ждать от тех не-русских, хотя и говорящих зачастую по-русски, к которым в объятья попал Кузнецов? И можно поверить, что о русской эмиграции до Лондона и в Лондоне он ничего не знал, не знал он о существовании Союза русских писателей за границей, о его председателе Б. К. Зайцеве. Только совсем недавно “по-настоящему увидел и понял всю глубину трагедии русской эмиграции, святым показанием которой мир не внял”.

Похоже, что своим письмом Кузнецов совершил второе бегство, на этот раз не из СССР, а от газетных компраچیков. Тем самым как бы подтверждается факт существования какой-то международной организации — не организации, (Продолжение на 2-й стр.)

Двадцать третьего января нью-йоркская газета “Новое Русское Слово” опубликовала письмо бежавшего подсоветского писателя Анатолия Кузнецова, направленное зарубежному публицисту и писателю проф. Н. И. Ульянову. На следующий день, та же газета поместила на тему этого письма статью проф. Ульянова. В этом номере Редакция воспроизводит оба документа, представляющие собой большую ценность и интерес.

Редакция обращает внимание читателей на отношение Н. И. Ульянова к так называемым “документам из СССР”, которые теперь в таком изобилии появляются в нашей зарубежной печати.

“Наша Страна” разделяет мнение проф. Ульянова о том, что без ведома и попустительства чекистов эти документы не проникали бы за границу так, как они теперь проникают. Причиной же этого попустительства надо считать давнюю тактику большевиков, состоящую в старании изобразить их власть более слабой, чем в действительности. Это конечно не означает, что ВСЕ так называемые “документы из СССР” прямо написаны чекистами. Но осторожность в их анализе и оценке необходима.

ХРОНИКА

ТОРЖЕСТВО В НИЦЦЕ

Десять лет тому назад был сооружен в Ницце, в православном Николаевском соборе, высокохудожественный Крест-Памятник в память умученной Царской Семьи с изображением святых — Николая, Александры, Алексия, Ольги, Татьяны, Анастасии и Марии.

Местному Союзу Ревнителей Памяти Императора Николая Второго два года тому назад пришла мысль соорудить неутихоимую лампаду в виде императорской короны для помещения ее у подножия Креста-Памятника. Лампада была сооружена серебряная — этот металл является символом чистоты — и украшена самоцветными камнями.

В день храмового праздника Свято-Николаевского собора в Ницце, 19 декабря 1969 года лампада была освящена и прикреплена к подножию Креста-Памятника.

После литургии, в присутствии многочисленной русской колонии, великобританского вице-консула, греческого консула и представителя бельгийских комбатантов, лампада была освящена архимандритом Романом, настоятелем собора.

Инициатор сооружения лампады Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка полковник Т. на блюде подал служащему архимандриту лампаду и обратился к нему со следующим словом, сначала по-русски, а затем и по-французски:

«Союз Ревнителей Памяти Императора Николая Второго и, состоящий под Августейшим Покровительством Е. И. В. Главы Российского Императорского Дома, Комитет по сооружению лампады в Ниццком православном Свято-Николаевском соборе на Кресте-Памятнике Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу и Его Августейшей Семье, почтительнейше просят Вас принять эту лампаду и, возложив ее на Крест-Памятник, — освятить ее.

Сия лампада была создана усердием Союза Ревнителей Памяти покойного Императора и щедротами и рвением мно-

гочисленных жертвователей, которых я прошу принять выражение нашей самой искренней признательности.

Мы смиренно просим Вас, отец Архимандрит, вознести Господу Богу и Святителю Николаю наши самые горячие молитвы, чтобы этот памятный Светоч служил символом единения всех россиян и прославлял память наших Царственных Мучеников».

Во время пения «Вечной памяти» склонились к подножию Креста-Памятника стяг Российского Обще-Воинского Союза, Андреевский стяг Союза российских моряков и стяг местных бельгийских комбатантов. Вновь освященная лампада была прикреплена к подножию Креста-Памятника.

Н. К.

НАДО ПОМОЧЬ

Брат основателя «Нашей Страны», известный публицист и писатель Борис Лукьянович Солоневич потерпел новое бедствие. После ряда сложных глазных операций, когда ему нужно было особенно беречь зрение — у него в доме вспыхнул пожар. Тушили пожар газом. Этим газом Б. Солоневич был отравлен. Без чувств он был послан в госпиталь, где его едва отходили. Пока он находился в госпитале его квартиру основательно ограбили.

«Наша Страна» относится отрицательно ко многим взглядам Б. Л. Солоневича, но долг соотечественника и христианина обязывает нас постараться помочь пострадавшему и нуждающемуся русскому публицисту.

Пожертвования следует направлять на его адрес:

Mr. Boris Solonevich
P.O.Box 131, New York 9, N.Y. U.S.A.

**СДАЮТСЯ КОМНАТЫ
НА ЛЕТНИЙ СЕЗОН
НА БЕРЕГУ ОКЕАНА
LA LUCILA — MAR DE AJÓ**
С пансионом и без пансиона.
Звонить по телефону 797-3042
или лично от 15 до 19 часов.
Обращаться по адресу:
Victor Trofimov
Córdoba 1785, Local 16, Capital

Союз Первопоходников извещает, что в воскресенье, 22-го февраля с. г., после Божественной Литургии будет отслужен МОЛЕБЕН с поминовением всех павших воинов в мире скончавшихся.

ПО СЛУЧАЮ 52-ЛЕТИЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОД

Молебен будет отслужен в церкви Св. Сергия Радонежского,
(Falucho 854, Villa Ballester)

святым показаниям которой мир не внимал. Стою растерянный и потрясенный, разведя руки. Вижу, что я попал в другой момент, что мне повезло... Это свалилось на меня помимо желания. Я НЕ СОБИРАЛСЯ делать какие-то заявления, давать интервью и так далее, я хотел одного: вырваться из того концлагеря и писать свои книги, хотя бы не закапывая их в землю. Но меня убедили, что я должен отвечать на вопросы, так как этих ответов все ждут. И я наотвечал — вкривь и вкось, и это, пожалуй, прежде всего предмет для исследования: что же может бормотать этот окривевший, дрожащий, заросший шерстью «гомо советикус», удравший из своей клетки в том зоопарке.

В своем нервном бормотании я не мог, видимо, учесть абсолютно все, чего-то не сказал, а что-то сказал невнятно. В том же пресловутом письме Миллеру я писал, что помимо известных категорий писателей в СССР есть люди — антикоммунисты, что когда выйдут мои первые книги, где я их описываю, станут ясен их облик хоть в какой-то мере. Я хочу рассказать о них. Вдруг это было понято совершенно чудовищно: что я объявляю себя единственно подлинным борцом, высокомерно отталкивая остальных. Об этом писал мне и Андрей Амальрик, что мне особенно больно. Поэтому что мне остается только казнить себя за косноязычие... Я не собираюсь быть политическим да еще борцом, упаси Боже! Если есть на свете что-то, особенно мне претящее, так это, еще раз подчеркиваю, борьба... За всемирное счастье человечества... да еще политическая... Одни слова-то какие! Скажем хотя бы так: это не мое. Я художник. Вы меня браните за то, что я не

упомянул такого слова в своем «Обращении к людям». Упомянул. Я писал:

«Писатель — прежде всего художник, пытающийся проникнуть в нечто неизведанное. Он должен быть честным, объективным и творить свободно. Это всё аксиомы...»

И я сказал, что хочу быть таким писателем. Я думал, что если говорю «писатель», то само собою разумеется, что он художник. Точно также я не подозревал, что у Вас может возникнуть странный вопрос: на каком языке я буду писать? На русском, конечно. Но то, что я хочу быть ни красным, ни белым, не советским, не западным, — это значит, что я хочу быть русским писателем, пишущим на русском языке, но свободным от коммунизма, шовинизма и всех прочих «измов», прежде всего — честным человеком, живущим на нашей Земле, честным человеком и честным художником. Я хотел это подчеркнуть, потому так и акцентировал.

Мне будет нехорошо, если Вы поймете мое письмо как попытку оправдаться, обелиться и прочее. Я прочел Вашу статью слишком поздно все по той же причине: не могу все сразу узнать Лавина сногшибательной (для меня) информации. Каждый день читаю, читаю — книги, статьи, документы, исследования. Только вот сейчас, наконец, оформляю подписку на глубоко уважаемое мною «Новое Русское Слово». И я пишу Вам не с целью обелиться, а просто хочется непременно сказать Вам то, чего Вы явно не знали. Простите, пожалуйста, если я опять что-то сказал не так. До свидания. И примите мое самое глубокое и искреннее уважение.

Ваш А. АНАТОЛИЙ
(Анатолий Васильевич Кузнецов)

• «ДУХОВНЫЕ МЕРТВЕЦЫ ИЗ ДЖОРДАНВИЛЛЯ»

Советская печать не оставляет нас своим вниманием. Под таким заголовком помещена большая статья в журнале «Наука и Религия» (ноябрь 1969 г.). Авторами ее названы А. Белов и А. Шилкин. Приведем начальную ее строку: «В этом небольшом городке в штате Нью Йорк сплошь и рядом можно услышать русскую речь, встретить людей в облачении православных священнослужителей, купить в киоске «Житие Иоанна Кронштадтского» или сборник «Государь Император Николай Александрович», выпущенный к столетию со дня его рождения, а во время богослужения услышать даже молитву «За царя и отечество». Непосвященному человеку, впервые попавшему в Джорданвилль, может показаться, что его преследуют галлюцинации, словно воскресла ушедшая навсегда старая Русь. Но нет, это не прошлое, а настоящее, и православный Джорданвилль в США — не иллюзия, а реальность. Здесь находится центр так называемой карловацкой церкви, которая выдает себя за представительницу русского православия за рубежом...» И т. д. В дальнейшем о самом «Джорданвилле» почти ни слова, а имеется достаточно сумбурная информация о жизни и деятельности нашей Зарубежной Церкви, с частыми ссылками на «Православную Русь» (дан снимок ее первой страницы со статьей «В чем наше Спасение?») со случайными упоминаниями тех или иных имен, как отдельных лиц, так и организаций. Одно можно сказать с достаточной уверенностью: читатель этой статьи вынесет впечатление о насыщенной содержанием жизни, пронизанной высокими религиозно-патриотическими идеалами. В добрый час! Незримая духовная ниточка протянется от многих душ в наш Джорданвилль!

(«Православная Русь» № 931)

Н. Н. ОРЛОВ

«ВОЖДИ»

Роман из жизни эмиграции в Югославии, Чехославии и Франции. Два тома. 815 стр. большого формата. Со многими иллюстрациями. Цена 9 долл.

Из отзывов: «Книга «ВОЖДИ» является не только романом из жизни Белой эмиграции в Праге, Югославии и Париже, но также затрагивает проблемы, которые в нашу страшную эпоху атомных бомб имеют общечеловеческое значение. Глубокий смысл и ценность книги лежат в плане разрешения этих проблем путем, по которому до сих пор отказывались идти человечество, — путем, указанным Христом. Со страстной убедительностью автор показывает, что все иные пути завели измученное человечество не только в тупик отчаяния и духовной смерти, но и поставили его под угрозу неизбежной катастрофы. Недаром автор говорит: «нельзя разрешить ни одного вопроса, не разрешив предварительно религиозного вопроса». Многие страницы, посвященные религиозной проблеме, не только убедительны, но и захватывают, увлекают читателя сознательной и глубокой верой в религиозный смысл жизни». («Русская Жизнь»).

В романе дается глубокий анализ противоречий религиозных идей Ветхого и Нового Заветов и основных причин так наз. «еврейского вопроса».

В США книги продаются:

1. M. TAMARZEFF. Casilla de Correo 4, Villa Ballester, Prov. Buenos Aires, Argentina.
2. RUSSIAN BOOKSTORE «RUSS»
443 Balboa St., San Francisco 94118, Calif. U.S.A.
3. Mr. Orloff

P. O. Box 472 Norton, Mass. 02766. U.S.A.

Можно выписывать также через редакцию «Нашей Страны».

общественности — не общечеловеческой, активной силы, вклинившейся между советской Россией и русским зарубежьем. Через ее руки проходят беглецы и невозвращенцы, она снабжает нас подпольной советской литературой, даже фотографиями Синявского в тюрьме (подумать только!), издает идущие «оттуда» нелегальные рукописи, заваливает нас «документами» и письмами оппозиционеров.

С чего бы, казалось, англичанам, французам, итальянцам, еще недавно столь равнодушным к русской революции, и русской контр-революции, так горячо принимать к сердцу «Самиздат», Григоренко, Евтушенко? Что им до этого? Ведь свергать советскую власть они не собираются; об этом сказано было не раз. Значит, тронулись страданиями русского народа? Как бы не так?

Зачем же столько затрат, суетни и шума? Зачем приковываться цепями к перилам балкона ГУМ'а? Все это когда нибудь выскитится. Сейчас важно отметить, что русская эмиграция питается

оценками и информацией, исходящими из не-русского источника во всем, что касается советской России. Это можно было бы приветствовать, будь сама информация правдивой, но мы уже несколько раз убеждались в ее несостоятельности. С особой силой подчеркнул это Кузнецов.

И не странно ли, что все усилия наших международных «союзников» направлены на агитацию среди эмиграции, а не среди советских подданных? Не их стараются просветить, открыть глаза, призвать к борьбе, а нас пичкают нелепой пропагандной литературой, во все нам не нужной. Но кто-то в этом, видимо, заинтересован и очень сильно. Не могу не обратить внимания на prominently вышедшее недавно сообщение о речи Солженицына на каком-то собрании Союза писателей, где его обвиняли в пересылке за границу своих рукописей. В оправдание, он указал на КГБ, как на виновника таких пересылок подпольной литературы и рукописей на Запад. Поставьте в связь с этим замечание Кузнецова о «Самиздате», о Григоренко, о том же Солженицыне, «оппозиционность» и «разоблачения» которых терпят только потому, что это нужно с точки зрения КГБ.

Мы живем во времена чудовищных, по изобретательности, методов политики, каких ни одна из предыдущих эпох не знала. Чего стоит дело Тухачевского, явившееся редчайшим продуктом сотрудничества Гестапо с НКВД! Какая гарантия, что в идущей «оттуда» литературе не заключено тайнописи лубянского Мефистофеля?

Берегитесь данайцев, приносящих дары!

Н. Ульянов

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonic.

Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АМЕРИКАНСКАЯ МИТРОПОЛИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Как "Наша Страна" сообщила 27-го января с. г., принадлежащий к русской православной митрополии в Америке профессор А. А. Боголепов, поместивший, по поручению митрополии, пространное заявление об ее переговорах с московской патриархией в "Новом Русском Слове", высказался очень оптимистически о будущих отношениях между превратившейся в автокефальную Американскую Церковь митрополией и другими существующими в Америке национальными православными церковными юрисдикциями, хотя и признал, что желание митрополии получить автокефалию от Москвы противоречит стремлению части этих национальных юрисдикций создать американскую православную поместную Церковь путем провозглашения вселенского (константинопольского) патриарха Афинагора православным патриархом Америки.

Тогда же "Наша Страна" высказала мнение, что в этом противоречии кроется одна из главных опасностей, угрожающих митрополии в случае завершения ее переговоров с Москвой.

Это предположение полностью оправдалось. Патриарх Афинагор пространным посланием известил московского патриарха Алексия о том, что вселенская патриархия никогда не признает автокефалии, которую Москва предполагает дать митрополии. Копия этого послания была получена в Нью Йорке экзархом вселенской патриархии в Америке, архиепископом Иаковом, который сообщил это решение патриарха Афинагора возглавляющему митрополию митрополиту Иринию. Таким образом, митрополия оказалась в очень трудном положении. Она признала московскую патриархию законной и канонической властью Русской Церкви и не может от-

† В субботу, 7-го февраля с. г., волею Божией скончалась
МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ПЛАВИНСКАЯ,
горячо любимая своими учениками, учительница Детского Сада Русской Приходской школы при храме Св. Сергия Радонежского. Приходская школа потеряла в лице усопшей ценную сотрудницу и отзывчивого друга.
Приходская школа при храме Св. Сергия Радонежского.

† 11-го февраля 1970 года в Буэнос Айресе, после тяжелой болезни на 74-ом году жизни скончался
**ЛЕИТЕНАНТ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА
ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АНТОНОВ,**
о чем сообщают друзья покойного.

казаться от этого признания. Приняв автокефалию от московской патриархии, митрополия, не получив признания патриарха Афинагора и остальных восточных патриархов, которые, вероятно, последуют его примеру, попадет в полную зависимость от Москвы. Если же митрополия не доведет своих переговоров до конца и откажется от намерения стать автокефальной Американской Церковью, она подвергается риску потерять в пользу московской патриархии значительную часть своих храмов и приходов, на которые Москва заявит претензию в американских судах, ссылаясь на факт признания ее законной церковной властью самой митрополией. Русские политические круги в Нью Йорке считают, что митрополия попала в подставленную ей Москвой ловушку и удивлены ослеплением и легковерностью, проявленными при этом как возглавляемым митрополией, так и непосредственными участниками ее переговоров с московской патриархией — епископом Киприаном, протопресвитером Иосифом Пиштейем и протоиереями Александром Шеманом и Иоанном Мейендорфом.

Между тем, в самой митрополии зреет открытое недовольство некоторых ее приходов переговорами с Москвой. Значительная часть приходов, существующих в Торонто, в Канаде, прихода митрополии обратилась к управляющему ее канадской епархии архиепископу Сильвестру с петицией, в которой указала на зависимость московской патриархии от коммунистической власти и написала, что "верующим не по пути с безбожниками, какие бы обещания они не давали и какими бы канонами ни прикрывались". Они обратились через архиепископа Сильвестра к митрополии с просьбой не принимать автокефалию от Москвы до освобождения Русской Церкви от коммунистического плена.

В Си Клиффе под Нью Йорком члены местного прихода митрополии сделали попытку поставить вопрос об автокефалии на обсуждение очередного приходского собрания. Митрополия сначала запретила это, а затем запретила и само собрание, вследствие чего оно состоялось не в храме, а в другом помещении и привело к открытому конфликту между приходом и митрополией, которая

передала церковному суду организатора собрания, церковного старосту А. Б. Дункеля и объявила участников собрания утратившими "общение с Церковью".

**

"Новое Русское Слово" опубликовало состоящий из семи пунктов ответ протопресвитера Георгия Граббе на нападки, которым в связи с вопросом об автокефалии митрополии Русская Зарубежная Церковь подверглась со стороны протопресвитера Иосифа Пиштейа и архиепископа Иоанна (Шаховского).

Протопресвитер Граббе написал, что они "перешли от принципиального осуждения к личным выпадам, которые не прибавляют убедительности к их аргументам". В связи со ссылками своих оппонентов на существующее в Соединенных Штатах Постоянное Совещение канонических православных епископов Америки, протопресв. Граббе отметил, что Зарубежная Церковь была приглашена участвовать в этом Совещении, но в него входят представители московской патриархии, с которыми "мы нигде и никогда за один стол не садимся".

Протопр. Граббе опровергнул утверждение об отсутствии общения между Зарубежной Церковью и вселенским православием, перечислив случаи участия не-русских епископов в недавних наречениях и хиротониях русских зарубежных иерархов.

Он затем указал на то, что митрополия нарушила основные канонические начала, порвав с Зарубежной Церковью, в которую добровольно вошла. Он упорно игнорировал неблагоприятные для митрополии последствия этого разрыва, давшие московской патриархии возможность возбуждать в американских судах иск о передаче ей некоторых храмов митрополии и эти иск выигрывать.

В пятом пункте своего заявления протопресвитер Граббе написал, что "церковная жизнь в СССР представляется очень сложной и применять одну мерку в суждении о всех епископах и священниках нам, за границей, не представляется возможным — мы можем судить только о вопросах принципа и об отдельных, более ярко проявляющих себя личностях".

История страны должна была бы быть биографией народа. История Аппенинского полуострова — страны, которая раньше была населена римлянами и теперь населена итальянцами, делится на биографию двух народов: одного, который создал Римскую Империю и другого, который Римской Империи не создал. Людей интересует не страна, а народ. Не столько география, сколько биография. Но биографии народов у нас, в сущности, нет.

Иван СОЛОНЕВИЧ

Автор заявления упомянул затем те преследования, которым в бытность свою в Харбине подвергся ставший позднее первоиерархом Русской Зарубежной Церкви архимандрит, ныне митрополит Филарет. Он затем написал, что Зарубежная Церковь, "не желая иметь никакого общения с иерархами, которых есть все основания считать в полном послушании у советских безбожников, все же никогда не выносила определений с судом над всеми священнослужителями в СССР, как это безусловно приписывают ей архиепископ Иоанн и протопр. И. Пиштей, очевидно, опираясь только на статьи отдельных лиц, высказывающих свое личное мнение".

С. АЛЛИЛУЕВА

Нам пишут из Нью Йорка: Президиум Верховного Совета СССР в Москве лишил проживающую в Соединенных Штатах дочь Сталина, Светлану Аллилуеву, советского гражданства. В постановлении президиума не сказано, что С. Аллилуева сама, через своих адвокатов в Вашингтоне, обратилась к советскому консульству в этом городе с заявлением о том, что не считает себя больше гражданкой СССР и просит об исключении из числа советских граждан.

• ЗАГОВОР "ТРОЦКИСТОВ"

Правительство Гусака объявило, что раскрыта цепь троцкистских ячеек имевших целью свержение чехословацкого коммунистического режима. Эти ячейки "имели контакты с заграницей". Властями обнаружены листовки, ротаторы и прочее техническое снаряжение". Обозреватели называют это правительственное объявление "злосчастным". Теперь, любому оппозиционеру можно будет приклеить ярлык "троцкиста" сотрудничавшего с иностранными антикоммунистскими элементами и загнать его в концлагерь или подвал.

• ЭЙФОРΙΑ И ТОСКА

"Нью Йорк Таймс" поместил мнение писателя Артура Кестлера о полетах на Луну. Кестлер — разочаровавшийся коммунист, автор нашумевшего романа "Тьма в полдень". Он родился в Будапеште в 1905 г.; жил в России. Вот его высказывания:

"Космическая эйфория, то повышенное настроение, которое вызывают полеты к Луне и на Луну, совпадает с тоской поистине космических размеров, охватившей нашу планету. Как эта эйфория, так и эта тоска имеют один источник: небывалую материальную мощь, действующую в небывалом духовном вакууме. У Прометея, дорвавшегося до звезд, на лице не радостная улыбка, а просто оскал зубов".

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 84

Печатается без ведома
и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

И правда — какая разница — сто или двести грамм, если уж переступил. Двести или двести пятьдесят, если умер великий человек — и о нем замалчивают? В добрую память Вождя опрокинул Павел Николаевич и следующий стакан. Опрокинули как на поминках, и губы его скривились грустно. И брал он ими помидорчики, с Максимом, лоб в лоб, слушал сочувственно.

— Эх, красненькие! — рассуждал Максим. — Здесь за килограмм рубль, а в Караганду свежи — тридцать. И как хватают! А возить — нельзя. А в багаж — не берут. Почему — нельзя? Вот скажи мне — почему нельзя?

Разволновался Максим Петрович, глаза его расширились, и стоял в них напряженный поиск — смысла! Смысла бытия.

— Придет к начальнику станции человечиска в пиджачке старом: "ты — жить хочешь, начальник? Тот — за телефон, думает — его убивать пришли... А человек ему на стол — три бумажки. Почему — нельзя? Как так нельзя? Ты жить хочешь — и я жить хочу. Вели мои корзины в багаж принять. И жизнь побеждает, Паша! Едет поезд, называется "пассажирский", а весь — помидорный, на полках — корзины, под полками — корзины. Кондуктору — лапу, контролеру — лапу. От границы дороги — другие контролеры, и им лапу.

Покруживало Русанова и растеплился он очень и был сейчас сильнее своей болезнью. Но что-то такое, кажется, говорил Максим, что не могло быть увязано... увязано... Что шло в разрез...

— Это — вразрез! — уперся Павел Николаевич. — Зачем же? Это — нехорошо...

— Нехорошо? — удивился Чалый. — Так малосольный бери! Так вот икорку бери!.. В Караганде написано камнем по камню: "Уголь — это хлеб". Ну,

то есть, для промышленности. А помидорчиков для людей — и — нет. И не привезут деловые люди — и — не будет. Хватают по четвертной за килограмм — и спасибо говорят. Хоть в глаза помидоры эти видят — а то б не видели. И до чего ж там долдоны, в Караганде — ты не представляешь! Набирают охранников, лбов, и вместо того, чтоб их за яблоками послать, вагонов сорок подкинуть — расставляют по всем степным дорогам — перехватывать, если кто повезет яблоки в Караганду. Не допускать! Так и дежурят, охломоны!..

— Это что ж — ты? Ты? — огорчился Павел Николаевич.

— Зачем я? Я, Паша, с корзинами не ежу. Я — с портфельчиком. С чемоданчиком! А билетов — нет! Нет!.. И я туда не стучу, я всегда уйду. Я на каждой станции знаю: где нужно к кипятильнику обратиться, где — в камеру хранения. Учти, Паша: жизнь — всегда побеждает!

— А ты вообще кем работаешь?

— Я, Паша, — техником работаю. Хотя техника не кончал. Агентом еще работаю. Я так работаю, чтобы всегда — с карманом. Где деньги платить перестают — я оттуда ухожу. Понял?

Что-то замечал Павел Николаевич, что не так получается, не в ту сторону, кривовато даже. Но такой был хороший, веселый, свой человек — первый за месяц. Не было духа его обидеть.

— А — хорошо ли? — допытывался он только.

— Хорошо, хорошо! — успокаивал Максим. — И телятинку бери. Сейчас компотика твоего трахнем. Паша! Один раз на свете живем — зачем жить плохо? Надо жить хорошо, Паша!

С этим не мог не согласиться Павел Николаевич, это верно: один раз на свете живем, зачем жить плохо? Только вот...

— Понимаешь, Максим, это осуждается... — мягко напомнил он.

— Так ведь, Паша, — так же душевно отвечал и Максим, держа его за плечо. — Так ведь это — как посмотреть. Где как.

(Продолжение следует)

"НЕ ПОГАСНЕТ ЭТОТ СВЕТ..."

Пять месяцев тому назад, 12-го сентября, в Москве был арестован известный церковный писатель Анатолий Левитин-Краснов. Его имя известно в России хотя бы потому, что многие его статьи были напечатаны в "Журнале Московской Патриархии". Его имя известно и за рубежом, где получили широкое распространение такие его работы, как "В борьбе за свет и правду", "Топот медный", "Огненная чаша", "Натянутая тетива", — работы, в которых он протестует против гонений на религию в России. Узнав об аресте Левитина-Краснова, несколько граждан СССР обратились с письмом протеста в Женеву, во Всемирный Совет Церквей, — копии письма они послали Патриарху Вселенскому Афинагору, Папе Римскому Павлу Шестому, а также в Международный Комитет Защиты Христианской Культуры. В своем письме они приводят такие цифры: "С 1959-го года по 1964-й год в нашей стране закрыто около 10.000 церквей, 5 семинарий, 80 монастырей, а также половина всех молитвенных домов других христианских исповеданий". Вот уже больше 50-ти лет, как идет борьба против религии. Но не прекращается и народное сопротивление этой — поистине антинародной! — антирелигиозной политике. Когда будет написана история народного сопротивления большевизму, то, пожалуй, наиболее яркие страницы в ней будут посвящены Православной Церкви.

В начале 30-х годов художник Павел Корин гостил у Горького в Италии. Вернувшись в Москву, этот художник-палешанин приступил к работе над большой картиной. Картина была огромна по размеру: восемь метров на двенадцать. Была она огромна и по замыслу — вроде "Явления Христа народу" Александра Иванова. Как Александр Иванов, Павел Дмитриевич Корин написал много эскизов к картине, которые несомненно займут важное место в истории русской живописи, — они выставлялись не только в Москве, но даже и в Америке, и принесли Корину заслуженную мировую славу. О незаконченной картине Павла Корина пишет Владимир Солоухин в "Письмах из Русского Музея":

"Картина "Русь уходящая" по первоначальному замыслу должна была называться "Изъятие церковных ценностей". Так говорят. В центре Успенского собора в Москве — груда золотых и серебряных вещей. Около них человек в кожаной куртке. Заполняя собой весь интерьер собора, стоят и смотрят на происходящее служители церкви разных рангов, от митрополита до простого монаха. Тут же безогий юродивый, тут же крестьяне — отец и сын, и другие — более тридцати фигур, более тридцати глубоких и точных характеристик, данных в отношении к происходящему. Безогий юродивый с голубыми глазами готов броситься и разорвать. В том — гордость, в том — презрение, в том — затаенная мечта о возмездии, в этом — оттенки страха, этот (крестьянин, например) думает крепкую, крепкую думу. Горький, говорят, прокорректировал дерзкий по тем временам замысел художника. Во-первых, он посоветовал убрать из центра композиции груду золота и кожаную куртку и тем самым превратить картину в грандиозный групповой портрет, вписанный в интерьер Успенского собора. А во-вторых, он посоветовал назвать этот групповой портрет "Русь уходящая".

Как видим, картина Павла Корина должна была увековечить один из наиболее ярких моментов народного сопротивления большевизму. Павла Корина уже нет в живых. Но, быть может, какой-нибудь живописец еще вспомнит о его замысле и напишет монументальное полотно — "Изъятие церковных ценностей". В этой картине он, без сомнения, отведет одно из центральных мест митрополиту Петроградскому Вениамину, который 12-го августа 1922 года был расстрелян большевиками. Митрополит Вениамин был еще молодым человеком,

но к тому времени он уже прославился своей добротой и смиренностью и был любимцем народа. Быть может, картина "Изъятие церковных ценностей" будет предшествовать другая, в которой Вениамину Петроградскому будет отведено тоже почетное место, — наряду с другим молодым митрополитом, Тихоном Московским. Белые свои митрополиты клубуки они надели в один и тот же день — 15-го августа 1917 года, когда в Кремлевском Успенском соборе торжественной литургией открылся Собор, восстановивший патриаршество в России. То был день — светлый, и трагический в то же время. И светлый, и мрачный... Россия предстала в тот день в ее разных обликах. Один из участников Собора, профессор Антон Владимирович Карташев, в статье "Революция и Собор" рассказывает:

"15-го августа 1917 года Собор был открыт торжественной литургией в Кремлевском Успенском соборе. Предстоятельством старейший из митрополитов — Владимир Киевский (28-го января 1918 года убитый большевиками в Киеве)... После литургии, митрополитом Владимиром прочитана была грамота Святейшего Синода об открытии Собора, и из тесного собора всё священство и народ крестным ходом вышли на Кремлевскую площадь. А здесь уже стоял целый лес хоругвей, собравшихся со всей Москвы крестных ходов. В 33-х храмах Москвы совершались одновременно литургии архиерейским служением, а из этих центров крестные ходы направились к единому центру — Кремлю. Соединенный крестный ход направились к Чудову монастырю, а оттуда прошел через Спасские ворота на Кремлевскую площадь, на Лобное место, где и был пропет особый молебен самими членами Собора. Весь Кремль и вся Красная площадь были покрыты десятками тысяч народа. Но полицейского порядка не было. Веяло хаосом революции. Москва была переполнена и бурлила. Невежественная в государственных вопросах масса всё сильнее обладалась левыми обещаниями мира, земли и рая на земле. А правительство, во имя формальной демократической свободы, позволяло это разращение народа без сопротивления. В грозной и тревожной обстановке открылся Собор. В душе его участников мучительно сталкивались два диссонирующих переживания: чисто религиозное переживание от сознания участия в великом, издавна

NICOLAS FEWR EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Doy algunos pasos por la nieve firme y respiro el aire limpio y helado. Miro el reloj, son las doce. ¡Feliz Año Nuevo, mi inmensa Patria! ¡Feliz Año Nuevo, mi inmensa Patria! ¡Feliz Año Nuevo, amigos míos!

En lugar de una marcha briosa, llega desde lejos el aullido llorón de un perro. Trazando un semicírculo en el oscuro cielo, un semicírculo inmenso encima del gigantesco país, cae lentamente una estrella. No tengo tiempo para decir un deseo. Pero alcanzo a pensar: "¿Qué estrella fué ésta?"

¿Acaso la estrella roja de cinco puntas?

(Continuará)

чаемом, вождельном таинстве церковного соборования, наслаждение церковной канонической свободой и — с другой стороны — наблюдение явного растления патриотической воли народа, разложение армии, предчувствие поражений, уничтожения России и революционных ужасов".

В статье "Революция и Собор" профессор Карташев дальше рассказывает, как в ноябре 1917 года в храме Христа Спасителя в Москве состоялось избрание Патриарха. Жребий пал на Митрополита Московского Тихона. С одной стороны — восстановление патриаршества в России. С другой стороны начало гонений на Церковь.

"Верующий народ набатым звоном собирается вокруг ограбленных храмов и монастырей; проливается первая кровь мучеников — священников, мрян, монахов. Церковь реагирует на это по всей России грандиозными крестными ходами с десятками и сотнями тысяч верующих. Некоторые из крестных ходов разносятся стрельбой из ружей и пулеметов. Течет кровь безоружных жертв безбожия... Патриарх Тихон признал, что наступила минута, когда его личный авторитет должен выступить вперед среди всего возбуждения и ужаса, с каким православная Россия встретила наглое наступление безбожного большевизма. Выражаясь военным языком, первое "генеральное сражение" началось в Петербурге тотчас после святок, когда насильники явились отнимать Александрово-Невскую Лавру, где застрелен был старый протоиерей отец Петр Скипетров. "Мобилизация" православных вылилась в памя-

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52-7426

HOTEL CHAMPAQUI

SIERRAS GRANDES - CORDOBA

Telegramas: Hotel Champaqui - Yacanto

ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ

- комнаты с отдельными уборными и душом

- Горячая вода.
- Бассейн для плавания 12×20 м.
- Парк — 5 гект.
- Обильная еда "Menú fijo".

Отель расположен в самых горах; чудные виды; абсолютная тишина.

Казино в нескольких минутах езды.

Desde Bs. Aires: Aerolíneas Argentinas - F. C. San Martín - Omnibuses T.A.C. y Serrano, hasta Villa Dolores. Tarifa: \$ 2.000.—, pensión completa, laudo incluido

Informes y Reservas a:

HOTEL CHAMPAQUI

La Población (por V. Dolores) - Dto. San Javier - Córdoba.

ный крестный ход 21-го января 1918 года. В самый "разгар сражения" раздался голос патриарха. Накануне, во время Всенощной, пришло из Москвы послание патриарха с анафемой на большевиков, подписанное 19-го января 1918 года. Прочитанное в Петрограде, на площади Александрово-Невской лавры, послание патриарха высоко подняло дух крестного хода, и народ восклицал "Христос Воскресе!" и пел пасхальные стихиры. Это триумфальные песни православия".

В своем послании, анафемствуя большевиков, патриарх Тихон говорил:

"Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подложите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной".

Прошло с тех пор больше полувека... Гонения на Церковь не прекращаются. Но не прекращается и народное сопротивление. Писатель Левитин-Краснов, в одной из своих статей вспоминает стихотворение Бориса Пастернака:

"Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела", —

вспоминает эти строки из режестивенского стихотворения и говорит: "Не погаснет этот свет". ●

Вышла из печати и поступила в продажу книга

СЕРГЕЯ ШПАКОВСКОГО

"ЖЕНЩИНА-ВОИН"

Эта книга содержит ряд очерков о героинях женщинах всех эпох и народов.

Цена: 6 американских долларов; в Аргентине — 1200 песо с пересылкой.

Заказы адресовать:

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10 — Buenos Aires (30) — Argentina

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

7-го марта 1970 года

устраивает традиционный

МАСЛЕНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — T. E. 44-3213

А Н О Н С!

А Н О Н С!

24-го мая 1970 года

Б А Л

в пользу приходской школы церкви Св. Сергия Радонежского.

Подробности будут объявлены своевременно.

А Н О Н С

9 МАЯ 1970

СОСТОИТСЯ КОНЦЕРТ
ЕЛЕНА САМСОНОВОЙ